

Л. В. Коцюбинская
Санкт-Петербург, Россия

ПОНЯТИЕ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется феномен «информационная война», который имеет комплексный характер и является объектом пристального внимания представителей различных научных дисциплин: социологов, политологов, философов. Проблема информационной войны в языковом (лингвистическом) аспекте все еще является предметом детального рассмотрения ученых. В рамках настоящей работы информационная война определяется как информационные воздействия на общественное (массовое) сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру. В основе понятия «информационная война» лежит метафора, которая как форма мышления играет важную роль в развитии науки и оказывает существенное влияние на изучение соответствующего явления. Исследование данной концептуальной метафоры представляет большой интерес и вносит значительный вклад в разработку лингвистического определения термина «информационная война». Анализ такого явления, как «информационная война», в русле когнитивной лингвистики представляется перспективным, поскольку в фокусе исследования находятся когнитивные структуры (схемы репрезентации знания, которые складываются из вербализованных и невербализованных знаний), реконструируемые на основе анализа языковой системы. Кроме того, когнитивный подход позволит изучить вербализованные ключевые концепты информационного пространства, рассмотреть языковые средства как инструмент политической власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; когнитивная лингвистика; семантическая атака; когнитивные структуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой перевода и переводоведения АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; адрес: 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: luba.74@mail.ru.

В научной литературе предлагается значительное количество разнообразных интерпретаций и трактовок такого феномена, как «информационная война». Это обусловлено тем, что информационная война представляет собой крайне сложное и многогранное явление, а соответствующее понятие должно отражать все аспекты противостояния между государствами с целью достижения подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки и использования информации.

Информационная война включает в себя все, что связано с информационным противодействием, поэтому изучается целым рядом наук: политологией, социологией, семиотикой, историей, антропологией, философией, а также другими научными дисциплинами. Каждая из наук выделяет в качестве области своего изучения одну из сторон или одну из частей данного явления, подходит к изучению информационной войны со своими методами и способами, формулируя при этом свое понимание и определение этого понятия.

Характеристики информационной войны варьируются в весьма широком диапазоне, включают в себя пропагандистскую деятельность и политические технологии, применяемые различными группировками в ходе политической борьбы; противоправные действия в информационных сетях, связанные с хищением, искажением или уничтожением информации (хакерская активность); нарушение работоспособности самих информационных систем [Бедрицкий 2003: 1]. Кроме того, под этим термином понимают также информационное обеспечение традиционных боевых действий (разведки, управления, связи).

Информационное противостояние как направление научных исследований имеет давнюю историю. Информационно-психологическое воздействие с целью оказания влияния на психику и поведение военнослужащих и населения противника применялось, по мнению В. М. Щекотихина, еще в вооруженных столкновениях племен в эпоху разложения первобытно-общинного строя, в войнах рабовладельческих государств [Щекоти-

хин 2011: 10]. С появлением государства информационное противостояние стало составной частью взаимоотношений различных стран не только в военное время, но и в мирное [Там же]. Государства, корпорации и отдельные личности стремятся, с одной стороны, к увеличению и защите собственных информационных ресурсов, с другой — к доступу к информации противника и ее ограничению [Бедрицкий 2003: 1].

Появление термина «информационная война» («information war») в современном понимании связывают с именем американского физика Томаса Рона, который в отчете «Системы оружия и информационная война» указал на то, что информационная инфраструктура становится ключевым компонентом американской экономики и является уязвимой целью как в военное, так и в мирное время [Rona 1976]. Публикация отчета Т. Рона вызвала повышенный интерес со стороны экспертов спецслужб США, началось активное обсуждение проблемы. Специалисты пришли к выводу о том, что информация может быть как целью, так и оружием.

Одним из первых теоретиков информационной войны признан Мартин Либики, который в работе «Что такое информационная война?» («What is Information warfare») рассматривает информационную войну как информационные воздействия, включающие защиту, манипулирование, искажение и опровержение информации. Мартин Либики описывает семь форм информационного противодействия: командно-управленческую (Command-and-Control Warfare), разведывательную (Intelligence-Based Warfare), электронную (Electronic Warfare), психологическую (Psychological Warfare), хакерскую (Hacker Warfare), экономико-информационную (Economic Information Warfare), кибервойну (Cyber Warfare) [Libicki, 1995].

Важной составляющей информационной войны, как указывает М. Либики, являются семантические атаки (semantic attacks), направленные на введение противника в заблуждение путем воздействия на информацию противника, основанные на ней процессы и информационные сис-

темы. При семантической атаке, в отличие от хакерской атаки, компьютерная система работает абсолютно правильно, но решения, которые она выдает, неверны. Семантическая атака направлена на «органы чувств» компьютерной системы, контролирующей какой-либо процесс с помощью датчиков. Обмануть эти датчики или другие средства ввода — значит вывести систему из строя, ничего в ней не нарушив [Libicki 1995: 77—78].

Принцип семантической атаки может быть рассмотрен не только в связи с компьютерными сетями, но и как эффективный инструмент по внедрению информации с целью изменения в желаемом направлении мнений, взглядов, настроений, ценностных ориентаций, а также массовых настроений и общественного сознания в целом.

При семантической атаке вбрасываемая информация, как правило, носит искаженный характер, а индивид не подозревает о том, что он сформировал свое мнение под влиянием внешних факторов. Американский военный аналитик Ричард Шафрански отмечает, что цель информационной войны — «так повлиять на поведение противника, чтобы он не знал, что на него воздействовали» [Szafranski 1995].

Одним из первых отечественных ученых, кто создает целостную концепцию информационных войн, является С. П. Расторгуев. Ученый трактует понятие «информационная война» как «открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия информационных систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Расторгуев 1998: 36].

Заставить противника изменить свое поведение можно с помощью внешних и внутренних, явных и скрытых информационных угроз. Скрытые угрозы представляют собой неосознаваемые системой в режиме реального времени входные данные, угрожающие ее безопасности. В информационной войне приоритет отдается скрытым угрозам, так как именно они позволяют возвращать внутренние угрозы и целенаправленно управлять системой извне [Расторгуев 2002].

Г. Г. Почепцов рассматривает информационные войны с точки зрения информационно-пропагандистских и информационно-психологических операций. Информационная война, по мнению ученого, — «это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями» [Почепцов 2000: 10].

В результате коммуникативного воздействия существенно изменяется картина мира индивида. Резкое изменение картины мира, по словам Г. Г. Почепцова, должно рассматриваться как определенное информационное вторжение, представляющее опасность для получателя [Там же]. Также ученый указывает на то, что информационную войну можно «трактовать в аспекте „перевода“ с одной картины мира в другую. При этом сообщение, которое проходит процесс этой перекодировки, трансформируется до неузнаваемости» [Почепцов 2000: 12].

В качестве субъекта информационной войны, по мнению Г. Г. Почепцова, выступают общности людей — нации, государства, коллективы компаний и др. Объектом же всегда будет массовое

сознание. Ученый указывает, что целью воздействия на массовое сознание является «внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [Почепцов 2000: 10]. Таким образом, человек больше реагирует на искаженные когнитивные схемы у себя в голове, а не на объективную реальность, при этом его поведением руководит не действительность, а заранее заданная схема ее интерпретации [Там же].

К когнитивным искажениям, задающим модель поведения, автор относит следующие явления: персонализацию, дихотомическое мышление, выборочное абстрагирование, произвольные умозаключения, сверхгенерализацию, преувеличение.

Информационная война включает в себя два автономных пространства: пространство информации и пространство действия. Так, те или иные изменения в информационном пространстве индивидуального или массового сознания отражаются на тех или иных изменениях в пространстве индивидуального или массового действия, и наоборот. Наибольший интерес представляют такие изменения в пространстве информации, которые могут привести к желательным результатам в пространстве действия. Г. Г. Почепцов указывает на наличие как открытых, т. е. понятных и доступных для сознания потребителя, так и закрытых, т. е. недоступных сознанию, переходов между информационным полем и полем действительности [Почепцов 2000].

Г. Г. Почепцов указывает, что информационное пространство является базовым для понятий информационной войны и информационного оружия, и определяет информационную войну как несанкционированную работу в чужом информационном пространстве. Информационное пространство динамично. В нем не бывает завершенного состояния, поэтому достаточно трудно достичь постоянного информационного доминирования, хотя возможно достижение временного информационного превосходства.

Информационное пространство структурировано. Оно неоднородно, в нем есть аттракторы, привлекающие внимание, и барьеры, отталкивающие внимание потребителя от данной точки информационного пространства. Кроме того, информационное пространство обладает национально-специфичными способами построения, обработки и распространения информации.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время не существует устоявшегося и общепринятого понимания термина «информационная война». Однако можно говорить о трех подходах, определяющих содержание этого понятия.

Сторонники первого подхода выделяют сугубо военно-технический аспект проблемы и считают, что задачей информационной войны является подавление или уничтожение систем управления, командования и разведки, а также критически важных элементов информационной инфраструктуры противника, при одновременной защите собственных аналогичных систем [Либики 1995; Шафрански 1995; Расторгуев 1998].

Второй подход к определению сущности информационной войны представляет собой попытку комплексного решения проблемы и основан на

трех базовых положениях. Во-первых, любая деятельность имеет информационную основу, связанную с выработкой, принятием и реализацией решений. Во-вторых, противоборство в информационной сфере присуще человечеству с момента его возникновения. В-третьих, концепции информационной войны должны учитывать все выработанные человечеством знания о закономерностях, принципах, методах и формах завоевания информационного пространства противника [Бедрицкий 2008: 6]. При таком широком подходе под информационной войной обычно понимают любые действия, направленные на создание и использование информационного превосходства над противником путем влияния на его информационную инфраструктуру и контроля получаемой противником информации в собственных интересах.

В рамках третьего подхода информационная война изучается как информационно-пропагандистские и информационно-психологические операции, осуществляющиеся с помощью средств массовой информации [Почепцов 2000, 2002; Панарин 2001]. Описанные способы изучения значения языковых единиц не являются взаимоисключающими, скорее дополняют друг друга, что лишний раз свидетельствует о комплексности и многоаспектности этого явления.

Феномен «информационной войны», как уже отмечалось выше, имеет междисциплинарный характер и служит объектом пристального внимания социологов, политологов, философов, юристов, конфликтологов, а также представителей других научных дисциплин. Проблема информационной войны в языковом (лингвистическом) аспекте все еще становится предметом детального рассмотрения ученых.

В основе понятия «информационная война» лежит метафора, которая как форма мышления играет важную роль в развитии науки. Доказано, что характер метафоры, выбранной для определения того или иного научного понятия, оказывает существенное воздействие на его разработку. Термин «война» предполагает вооруженную борьбу между государствами или народами, между классами внутри государства. Информационная война не ведется на полях сражений при помощи военной техники, она осуществляется в «когнитивном пространстве населения планеты с помощью информационных сообщений» [Кучумов 2007]. Таким образом, в качестве рабочего приема следующее определение информационной войны: **информационная война — это информационные воздействия на общественное (массовое) сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру, с тем чтобы в дальнейшем получить изменения в поведенческой структуре.**

Представляется перспективным изучить феномен информационной войны в русле когнитивной лингвистики, в рамках которой можно выделить два различных направления исследований.

Языковая личность, постигающая мир, находится в центре внимания при первом подходе, который представляет собой «когнитивную теорию личности». В поле зрения ученых попадают механизмы усвоения языка, роль когнитивных

структур, лежащих в основе речемыслительной деятельности человека, а также процесс переработки информации и ее хранения в сознании человека в виде вербализованных и невербализованных знаний. Представители этого направления в большей степени опираются на результаты экспериментальных исследований. Психологическая проверяемость является основным условием когнитивной теории семантики, поскольку она (теория) призвана отражать то, что на самом деле «происходит в нашем уме» [Ченки 1996: 69].

В фокусе исследований, проводимых в рамках второго направления, находятся когнитивные структуры (концептуальные системы, модели), реконструируемые на основе анализа языковой системы. При таком подходе переработка полученных знаний о мире и их структурирование соотносится с языковым социумом, а не с индивидом. В центре внимания ученых — выявление общего и специфичного в системе концептуализации языков, описание языковой картины мира или ее фрагмента [Иванова 2002: 9]. В то же время оба направления тесно связаны и взаимодействуют друг с другом.

Исследование информационной войны в рамках второго направления, в фокусе внимания которого находятся когнитивные структуры, реконструируемые на основе анализа языковой системы, позволит изучить вербализованные ключевые концепты информационного пространства, а также рассмотреть языковые средства как инструмент политической власти.

Понятие «когнитивная структура» довольно часто используется в лингвистике как в узком, так и в широком понимании. Существуют разные трактовки термина «когнитивные структуры». А. А. Кибрик рассматривает когнитивные структуры как структуры человеческого сознания, мышления и познания [Кибрик 1994: 126], В. Б. Касевич предполагает, что когнитивные структуры — структуры, создаваемые человеком в процессе переработки информации [Касевич 1989: 8]. В рамках нашего исследования определим понятие «когнитивная структура» как схему репрезентации знания, которая складывается из вербализованных и невербализованных знаний [Иванова 2002; Коцюбинская 2004].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедрицкий А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США / под общ. ред. д-ра ист. наук Е. М. Кожокина; Рос. ин-т стратег. исслед. — М.: Российский ин-т стратегических исследований, 2008.
2. Бедрицкий А. В. Эволюция американской концепции информационной войны. — М.: РИСИ, 2003.
3. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002.
4. Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность: сб. ст. / отв. ред. Р. М. Фрумкина. — М., 1989.
5. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5.
6. Коцюбинская Л. В. Когнитивные структуры английских фразеологических единиц латинского и французского происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004.
7. Кучумов Д. О. Семантический анализ информационной войны в политике (на примере осетино-ингушского конфликта): автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д, 2007.
8. Панарин И. С. Информационная война и власть. — М.: Мир безопасности, 2001.

9. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
10. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М., 2002.
11. Расторгуев С. П. Информационная война. — М.: Радио и связь, 1998.
12. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. — М., 2002.
13. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.

L. V. Kotsyubinskaya
St. Petersburg, Russia

THE TERM «INFORMATION WARFARE» IN MODERN LINGUISTICS: PROSPECTS AND APPROACHES

ABSTRACT. *The article deals with the phenomenon of "Information Warfare" that is well-studied in Sociology, Political Science, Philosophy etc. The problem of information warfare is still the subject of linguistic study. For the purpose of this article, information warfare is referred to as informational influence on human consciousness in order to change cognitive structures. The analysis of conceptual metaphor that is in the basis of the term "information warfare" plays an important role in science development and influences the study of the corresponding phenomenon. The study of this conceptual metaphor is urgent and contributes to the linguistic definition of the term "information warfare". The analysis of such phenomenon as "information warfare" within the frame-works of cognitive linguistics is current, because the focus of attention is cognitive structures (schemes of knowledge representation which are composed of verbal and non-verbal information), reconstructed on the basis of the language system analysis. Moreover, the cognitive approach studies verbalized key concepts of information space, consider language means as a tool of political power.*

KEYWORDS: *information warfare; cognitive linguistics; semantic attack; cognitive structure.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kotsyubinskaya Lyubov Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Bedritskiy A. V. Informatsionnaya voyna: kontseptsii i ikh realizatsiya v SShA / pod obshch. red. d-ra ist. nauk E. M. Kozhokina; Ros. in-t strateg. issled. — M.: Rossiyskiy in-t strategicheskikh issledovaniy, 2008.
2. Bedritskiy A. V. Evolyutsiya amerikanskoy kontseptsii informatsionnoy voyny. — M.: RISI, 2003.
3. Ivanova E. V. Poslovichnye kartiny mira (na materiale angliyskikh i russkikh poslovits). — SPb.: Filol. fak. SPbGU, 2002.
4. Kasevich V. B. Yazykovye struktury i kognitivnaya deyatel'nost' // Yazyk i kognitivnaya deyatel'nost': sb. st. / otv. red. R. M. Frumkina. — M., 1989.
5. Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 5.
6. Kotsyubinskaya L. V. Kognitivnye struktury angliyskikh frazeo-logicheskikh edinit latinskogo i frantsuzskogo proiskhozhdeniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2004.
7. Kuchumov D. O. Semanticheskiy analiz informatsionnoy voyny v politike (na primere osetino-ingushskogo konflikta): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — Rostov n/D, 2007.

14. Щекотихин В. М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика: моногр. / под общ. ред. канд. техн. наук, проф. В. М. Щекотихина. — М.: Академия ФСО России: ЦАТУ, 2011.
15. Libicki M. C. What is Information Warfare? — Washington: National defense univ., 1995.
16. Rona T. P. Weapon Systems and Information War. — Seattle, WA, 1976: Boeing Aerospace Co.
17. Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. — Washington, 1995.

8. Panarin I. S. Informatsionnaya voyna i vlast'. — M.: Mir bezopasnosti, 2001.
9. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2000.
10. Pocheptsov G. G. Psikhologicheskie voyny. — M., 2002.
11. Rastorguev S. P. Informatsionnaya voyna. — M.: Radio i svyaz', 1998.
12. Rastorguev S. P. Filosofiya informatsionnoy voyny. — M., 2002.
13. Chenki A. Sovremennye kognitivnye podkhody k semantike: skhodstva i razlichiya v teoriyakh i tselyakh // Voprosy yazykoznanija. 1996. № 2.
14. Shchekotikhin V. M. Informatsionnaya voyna. Informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika: monogr. / pod obshch. red. kand. tekhn. nauk, prof. V. M. Shchekotikhina. — M.: Akademiya FSO Rossii: TsATU, 2011.
15. Libicki M. C. What is Information Warfare? — Washington: National defense univ., 1995.
16. Rona T. P. Weapon Systems and Information War. — Seattle, WA, 1976: Boeing Aerospace Co.
17. Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. — Washington, 1995.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.